

K 536
16

ГОД ИЗДАНИЯ XVI

ЦЕНА НОМЕРА 60 КСР.

КРОКОДИЛ

№ 17 июнь

МОСКВА 1937

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

П О В Е З Л О ! ..

— Опять моя вахта самая спокойная. Раньше чем через шесть часов нас с мели не снимут!..

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА

Не так давно в городе Нефтегорске, Азово-Черноморского края, одной ведьме на общем квартальном собрании жильцов вынесли выговор. То ли этот выговор обозначал некую ступень в системе воспитательных мероприятий, применяемых в отношении работников этой редкой специальности, то ли просто не знали, что делать, и на всякий случай объявили выговор.

Городской совет, поставленный об этом в известность самой ведьмой, насколько нам известно, никаких мер не принял, поскольку, очевидно, специальных циркуляров о внимании к жалобам ведьм, да тем более еще имеющих выговор, не поступало. В таком же положении ввиду отсутствия надлежащих циркуляров оказались и городские общественные организации этого крупного индустриального центра.

В связи с вышеуказанным автор этих строк вынужден принять на себя публичную защиту ведьмы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Нашу подзащитную — жену столяра, гражданку Рябчикову — обвиняют в том, что она с заранее обдуманном намерением превращается в козла, буйвола, губит людей конским топотом, дурным глазом, наговором, нашептыванием, накликает град и всяческие болезни и портит коров. По совокупности этих обстоятельств она целиком подходит, по авторитетному разъяснению местных баптистов, под категорию ведьм. И как таковая подлежит всяческим гонениям со стороны всех, в ком есть страх божий. А так как у плотника Филина, проживающего на том же участке «Победа», что и Рябчикова, есть достаточное количество страха божия, то он и подговаривал другого рабочего, Синякина, подкараулить где-нибудь ночью эту ведьму и за производимую ею порчу избить.

Это богоугодное дело не свершилось до сих пор только потому, что со свойственной ведьмам осторожностью гражданка Рябчикова после сумерек из дому старается одна не выходить.

Из всех выдвигаемых против Рябчиковой обвинений в порче живых существ соответствует действительности только обвинение в порче ею «овец», пасомых местным отделом союза баптистов. В качестве активистки оборонной работы она по мере сил своих вовлекает их в подготовку на сдачу норм на значок «Готов к противовоздушной и химической обороне» и сама посещает курсы инструкторов стрелкового спорта. Узнав о готовящемся ее избении и об idiotских слухах, распространяе-

мых про нее баптистами, Рябчикова написала заявление с просьбой призвать изуверов к порядку. На участке «Победа» квартальный комитет собрал специальное заседание, чтобы обсудить заявление Рябчиковой.

Рябчикова изложила на этом многолюдном заседании суть дела и указала на баптистку Филину как на первоисточник изуверской кампании, которая ведется против нее.

Затем выступала Филина и подробно доказывала, что Рябчикова как раз и есть ведьма и что против этого спорить никак нельзя. Нелицеприятный квартальный комитет, руководствуясь никому неизвестными соображениями, объявил выговор Филиной и, на всякий случай, Рябчиковой.

Потрясенные активистки оборонной работы бросились в горсовет протестовать против неслыханного постановления квартального комитета и попросили заместителя председателя горсовета Козачкина устроить на участке «Победа» общее собрание и прислать докладчика, который объяснил бы, что ведьм вообще не бывает.

Вот уже больше месяца, как горсовет обещал это сделать. Очевидно, он ожидает того дня, когда «ведьму» изувечат нефтегорские мракобесы. Вот тогда сам товарищ Козачкин выступит, наверное, с горячей речью и не пожалеет сильных слов, чтобы разоблачить происки церковников, которые, готовясь к выборам в советы трудящихся, извлекают на свет ржавые и отвратительные атрибуты средневековья. А пока суть да дело, ходит Рябчикова в ведьмах. И завидя ее, крестятся и злобно отплевываются черносалопницы, божьи старушки, братцы и сестры из нефтегорского отделения союза баптистов. Отплевываются и злобно шипят ей вслед: «Ведьма, у-у-у, ведьма». А сколько еще их может быть — этих «ведьм», расплачивающихся своими нервами, а возможно, и жизнью за бездарную работу Союза безбожников, за недооценку некоторыми партийными, советскими, комсомольскими и профсоюзными организациями разлагающей деятельности «черного христового воинства».

Автор этих кощунственных строк сознательно идет на то, чтобы навлечь на себя гнев господень, и не будет иметь никаких претензий к последнему, если таковой поразит его тяжелой своей десницей, но никак не раньше, чем соответствующие азово-черноморские краевые организации вплотную заинтересуются поднятым нами вопросом о нефтегорской «ведьме» Рябчиковой и ее гонителях из местного отдела союза баптистов.

Л. ЛАГИН

ПРОКУРОРА!

Загадочные люди сидят в редакции газеты «Сталинец» (станция Крыловская, Азово-Черноморского края). Возможно, конечно, что они все-навсего только лодыри и головоотяпы, но, по совести говоря, как-то не очень верится.

В самом деле:

В номере от 26 мая в газете «Сталинец» появилась скромная поправка, от которой у любого читателя волосы встанут дыбом.

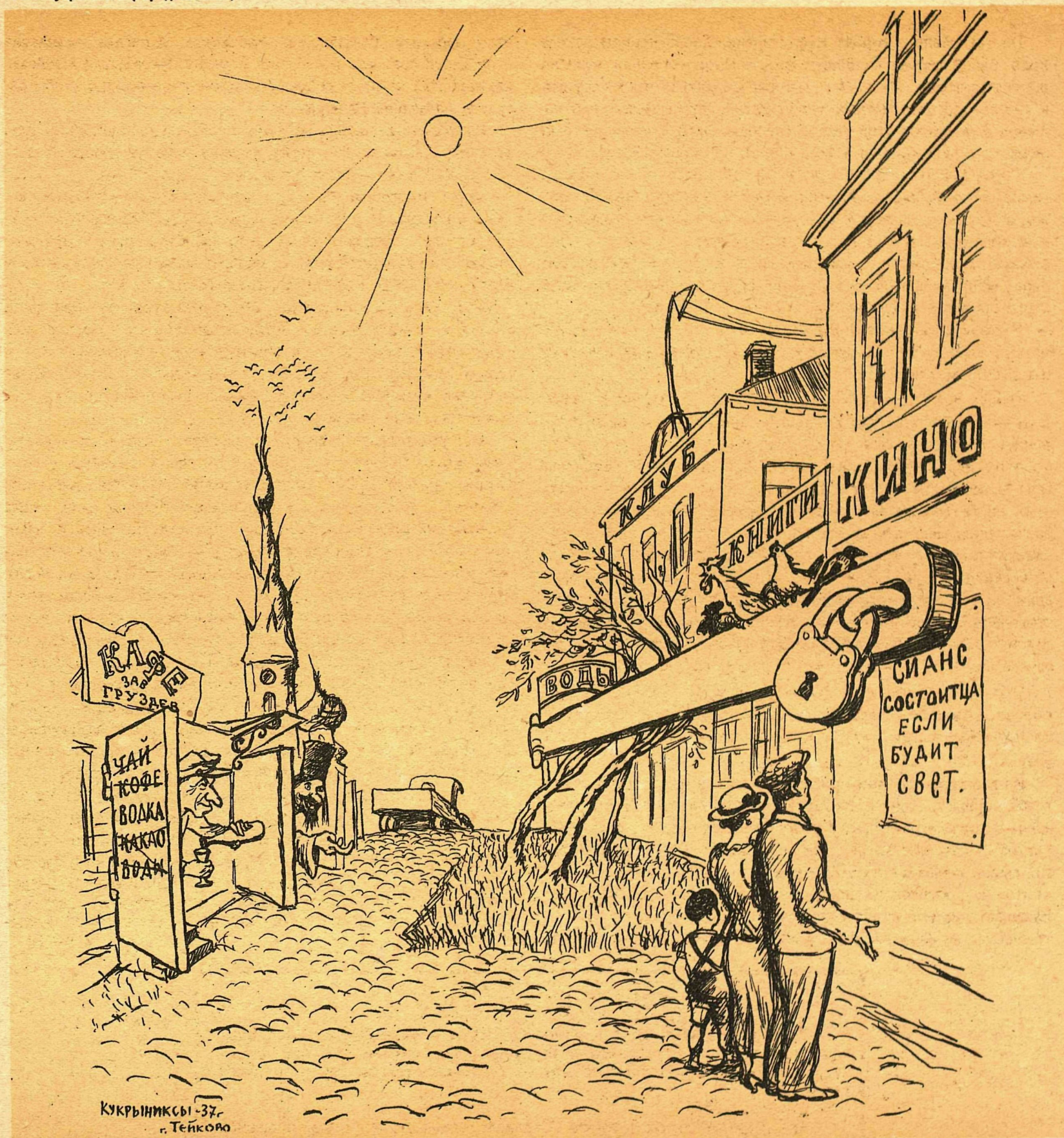
«В газете «Сталинец» от 23 мая № 60, — сообщает с эпическим спокойствием редакция, — в статье «Корь и как с ней бороться», в разделе «Лечение и уход за больными», по вине редакции допущена грубая ошибка. Напечатано: «Глаза надо промывать теплым раствором серной кислоты». Следует читать: «Глаза надо промывать теплым раствором борной кислоты».

Ничего себе «грубая ошибка», которая может стоить зрения десяткам больных детей! Ничего себе поправка, в которой через три дня после появления этой ужасающей «опечатки» не называются имена головоотяпов, а может быть, и врагов, ответственных за эту ошибку, и не указано, какое наказание они за это понесли!

Скорей, скорей прокурора в редакцию газеты «Сталинец»!

БЕЗВЫХОДНЫЙ ВЫХОДНОЙ

Рис. Кукрыниксы (город Тейково)

Здесь изображен пейзаж города Тейкова [Ивановская область]. Выходной день. Почему именно выходной? А как же! Видите: с правой стороны улицы все закрыто: и книжный магазин, и клуб, и кино, и киоск с водой... Значит, выходной день. Не подумайте только, что все эти учреждения закрыты по одной этой причине.

Книжный магазин действительно закрыт потому, что выходной день. Но киоск с водой не торгует уже по другой причине: нет воды. А кино не работает ввиду отсутствия света. У клуба свои соображения, почему не надо пускать посетителей. Может, заведующий поехал отдохнуть. Может, ремонт. Мало ли что...

Зато с левой стороны читатель увидит два открытых предприятия. Это, во-первых, столовая-кафе, стараниями заведующего Груздева обращенная в чистой воды кабак: подаются в столовой только спиртные напитки. И еще гостеприимно открыта церковь.

Что же касается президиума горсовета и его председателя тов. Касаткина, то их художники Кукрыниксы не нарисовали потому, что их существование никак не отражается на жизни города, что, впрочем, с исчерпывающей полнотой показано на самом рисунке.

ПРИЕМ	11 го ч. м. пор. №.....	№ проводаго ч. м. пор. №.....
	от..... бл. № 98 Принял <i>Ф. Старица</i>		в..... пр. №..... Передал
Из.....		
№..... сл. го. ч. м.		
Служебн. отметки		
СТАЛИНАБАД, НАРОДНОМУ КОМИССАРУ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ТАДЖИКСКОЙ ССР — тов. КАРАМОВУ			
<p>НЕТ СЛОВ ПЕРЕДАТЬ РАДОСТЬ СЛУЧАЮ ОТЫСКАНИЯ ПРОПАВШИХ ЛИЧНО ВАМ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ГУСЯТ ТЧК ПОРАЖЕНЫ НЕБЛАГОДАРНОСТЬЮ ПОСЛЕДНИХ УШЕДШИХ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВАШЕГО ДВОРА 12 ИЮНЯ СЕГО ГОДА НЕИЗВЕСТНОМ НАПРАВЛЕНИИ ОЧЕВИДНО ПОИСКАХ ВОДЫ ПРИГОДНОЙ ПЛАВАНИЯ ТЧК ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ СЛЕДИЛИ ЧТО ПРЕДПРИМЕТЕ ТЧК ВАШ ОГРОМНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РАЗМАХ НАУЧИЛ ВАС ПОЙТИ ПО ПУТИ НЕДОСТУПНОМУ РЯДОВЫМ СОВЕТСКИМ РАБОТНИКАМ ЗПТ ЛИШЕННЫМ УКАЗАННОГО РАЗМАХА ТЧК И ЧТО ЖЕ ЗПТ СТОИЛО ВАМ ОБРАТИТЬСЯ ТЕЛЕФОНУ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК СТОЛИЦЫ КАК ВЫСЛАННЫЕ ОТТУДА ДВА СОТРУДНИКА МЕНЬШЕ ЧЕМ ТЕЧЕНИЕ ДНЯ ОТЫСКАЛИ И ВЕРНУЛИ ВАШЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРОПАВШИХ ГУСЯТ ТЧК ЧЕСТЬ И СЛАВА ВАШЕЙ ЛЮБВИ ПЕРНАТЫМ ЗПТ НЕУТОМИМОМУ БЛАГОРОДНОМУ ВНИМАНИЮ ЖИВОЙ ПТИЦЕ ТЧК ЧЕСТЬ И СЛАВА НАЧАЛЬСТВУ СТАЛИНАБАДСКОГО УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА НЕ ЩАДЯЩЕГО СИЛ РОЗЫСКА ВАШЕЙ МЕЛКОЙ ЖИВНОСТИ ТЧК ЕСЛИ НЕ ДАЙ БОГ ПРОПАДЕТ ВАША СЕРЕНЬКАЯ КУРИЦА ХОХЛАТКА ЗВОНИТЕ ПРЯМО НАМ ТЧК МЫ ПРИВЛЕЧЕМ РОЗЫСКАМ ВСЕХ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ</p> <p style="text-align: center;">ПРИМИТЕ УВЕРЕНИЯ ПРОЧЕЕ</p> <p style="text-align: center;">СЕКЦИЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПТИЦЕВОДОВ ПРИ РЕДАКЦИИ КРОКОДИЛ</p>			

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Почему-то некоторые люди не умеют отдыхать.

Одни весь свой отпуск проводят в расстройстве чувств: как бы, например, нянька в их отсутствие не грохнула ребенка с рук.

Другие, приехав на курорт, ходят две недели как очумелые: не могут привыкнуть к чуждой природе или там к обществу.

Третьи вообще не умеют без работы находиться. А как без дела остаются, так прямо теряют почву под ногами: хулеют, кашляют и впадают в пессимизм.

Четвертые пугаются, как бы их землетрясение не закачало.

Пятые полны предчувствия, что во время отпуска их кто-нибудь «подсидит» на службе.

Ну, этих последних еще можно понять, поскольку это действительно бывает. Другой человек годами сидит на месте, и с ним ничего не случается. А уехал в отпуск — и что-нибудь такое непременно будет.

Через это многие не любят трогаться с места и предпочитают отдыхать безвыездно.

Но не только эти категории людей, а если вообще на всех поглядеть, то можно увидеть, что большинство не умеет отдыхать.

Недавно нам случилось быть на Черноморском побережье.

И мы из Севастополя выехали в Ялту на автобусе.

Дорога там, как известно, исключительно красивая. Некоторые новички даже ахают, когда в первый раз едут. И действительно, очень кругом художественно. Внизу Черное море плещется. Слева чертовские горы. Южное солнце с синего неба

припекает. Природа отчасти дикая, но вместе с тем такая, которая заставляет желать все время тут находиться.

И вот, значит, едем мы по этой художественной дороге в автобусе. И вдруг — хлоп! — шина лопнула.

Тут начались ахи и охи. Пассажиры вышли из машины, чертыхаются, скулят, ругают шофера, зачем он поехал на такой паршивой шине.

Особенно сильно одна мадам расстраивалась. И даже у нее с шофером чуть целая баталия не произошла.

Она визгливо говорит шоферу:

— Я, — говорит, — на вас жалобу напишу. Мы едем отдыхать. И нам каждый час дорог. А вы нас заставляете бесцельно ожидать. Вы, — говорит, — наверно, пропиваете новые шины, а нас на старых возите. Еще, — говорит, — спасибо, что с такой кручи нас не опрокинули со своей дрянной шиной. Вот был бы у меня хорошенький отпуск.

Шофер ей говорит:

— Знаете что: отвяжитесь! А то я плохо произведу ремонт, и мы снова будем иметь аварию. А если хотите знать, шина у меня была довольно хорошая, когда мы поехали. Но вас в машину столько понасело с мешками и с тучками, что даже совершенно новую шину может к чорту разорвать... Отойдите: вы мне свет затемняете.

Мадам совершенно зашла от этих слов шофера. И даже она стала заикаться. Но тут другие пассажиры морально поддержали ее и стали шоферу делать выговор.

Вдруг один довольно полный пассажир говорит:

— Слушайте: вот я гляжу на всех вас и как сто процентный советский гражданин душевно за всех страдаю. Но особенно заставляет меня удивляться эта визгливая мадам.

Мадам было хотела с ним схлестнуться, но он ей так сказал:

— Слушайте, мадам: вот вы едете на отдых. И я так по-

ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ

РЕДАКЦИЯ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Нам хочется узнать, правильны ли слухи, что начальник ремонтного цеха криворожского завода «Коммунист» Янченко и мастер Бугаев беззастенчиво присваивают себе авторство рабочих изобретений. Недолго думая, берем номер криворожской газеты «Червоный гирник» от 8 июня и из помещенной на видном месте корреспонденции «Расхитители рабочих изобретений» узнаем, что слухи подтверждаются, что упомянутые двое граждан действительно — жулики. Было бы интересно посмотреть, как они выглядят в жизни? Пожалуйста! На этой же полосе помещена фотография Бугаева за подписью «Гов. Бугаев около своего изобретения».

Какой из двух этих материалов соответствует действительности, остается неизвестным. И когда видишь на четвертой полосе этой газеты подпись заместителя редактора — Ол. Скоростецкий, — поневоле думаешь: не случайно ли попала на страницы газеты и эта подпись?

МУСТАЕВ УДЕВИЛСЯ

Вряд ли кто-либо подымал проблему киселя на более высокую, принципиальную высоту чем ответственный исполнитель по столовой Ленинградского Военно-механического института Мустаев! Подтверждаем это выпиской из книги жалоб при столовой упомянутого Института. Против жалобы на то, что кисель подан был недостаточно концентрированный, т. е. недостаточно густой, значит пламенная отповедь Мустаева.

Приводим этот дышащий гневом и страстью документ с полным сохранением его орфографии:

«Читал ваше замечание и удивился: что значить кисель недостаточно концентрирован. Что вы хотели этим сказать? Вы наверное сравнили нашего руководящего повара с германским канцлером Гитлером, который концентрирует людей антифашистов и коммунистов, а кисель концентрировать нельзя, есть только можно. По бракеражу кисель отмечена жидкая — это другое дело.

Директору столовой! Обратите внимание почему 9 июня кисель был жидкая. Нужно выяснить.

Ответственный исполнитель Мустаев».

Умри, Мустаев, лучше не напишешь!

СЛАБОЕ УТЕШЕНИЕ

Рис. Л. Генча

— Какие уродливые карнизы!
— Не беспокойтесь, Олечка! Они через неделю отвалятся.

нимаю, что хотите подновить свои нервы и прибавить пару килограммов веса. Так вот и начинайте отдыхать... Вот произошла, так сказать, вынужденная посадка. Вот вы и пользуйтесь моментом. Кругом такая дивная красота. Природа. Вон, глядите: никак, лиса по горе пробежала. Допустим даже, что это не лиса, а собака, — все равно интересно. Проойдитесь для моциона к этой горе. Уединитесь временно от общества, поскольку у вас, видать, центральная нервная система не в порядке и вы чуть на людей не бросаетесь. Все это вам будет исключительно полезно. А заместо этого, что мы видим, — вы, извините, орете, портите свою драгоценную кровь и через это, наверно, уже потеряли килограмм со своего мизерного веса.

Шофер говорит:

— Она килограмм да я через нее килограмма три потерял. Вот и сосчитайте.

Полный пассажир говорит:

— Или я гляжу на других пассажиров. Все ахают, недовольны: зачем остановка? Торопят, как на пожар. А среди них некоторые, видать, чахоточные, другие нервно хворают, третьи, может быть, перенесли операцию. И им всем полезно полежать под целебными лучами солнца, полезно походить, посбирать цветки или просто посидеть на камешке и полюбоваться дикой природой... Или поглядите на меня. Разве я бранюсь с шофером или недоволен, что шина треснула? Напротив, я еще более повеселел. И очень рад, что могу часок — другой побеседовать с природой. Вот как я понимаю отдых. И вот как надо всем поступать.

Мадам горела, как на огне: до того ей, видать, хотелось схлестнуться с этим полным добродушным пассажиром. Но, видя, что он говорит разумные вещи, отошла в сторонку и стала собирать одуванчики, чтобы по приезде поставить их на ночной столик.

Другие пассажиры тоже отошли от шофера. Некоторые пошли к горе. А некоторые сели у дороги и стали любоваться панорамой. А одна барышня стала строчить письмо.

И тут мир и тишина воцарились вокруг.

Я подошел к этому полному пассажиру и говорю ему:

— Позвольте пожать вашу руку. Из всех нас вы отличаетесь наибольшей мудростью. Вы, — говорю, — философски подходите к вопросам отдыха. И я, — говорю, — рад с вами поближе познакомиться.

Тут мы с ним приятно побеседовали, и я, желая с ним еще более подружиться, спросил, куда он едет отдыхать.

Он говорит:

— Да нет, я не из отдыхающих. А я тут работаю на побережье. И в такую жару еду, представьте себе, на какую-то там комиссию, переучет и так далее, чорт бы их побрал!

Я говорю:

— То-то, — говорю, — вы и не торопитесь.

Тут он немножко засмеялся и говорит:

— Нет, я тороплюсь, но поскольку произошла вынужденная посадка, то отчего бы мне не посидеть вблизи с природой? А они там меня подождут. Раз такое дело — авария.

Я говорю:

— То-то вы и агитируете за отдых и разводите философию на мелком месте.

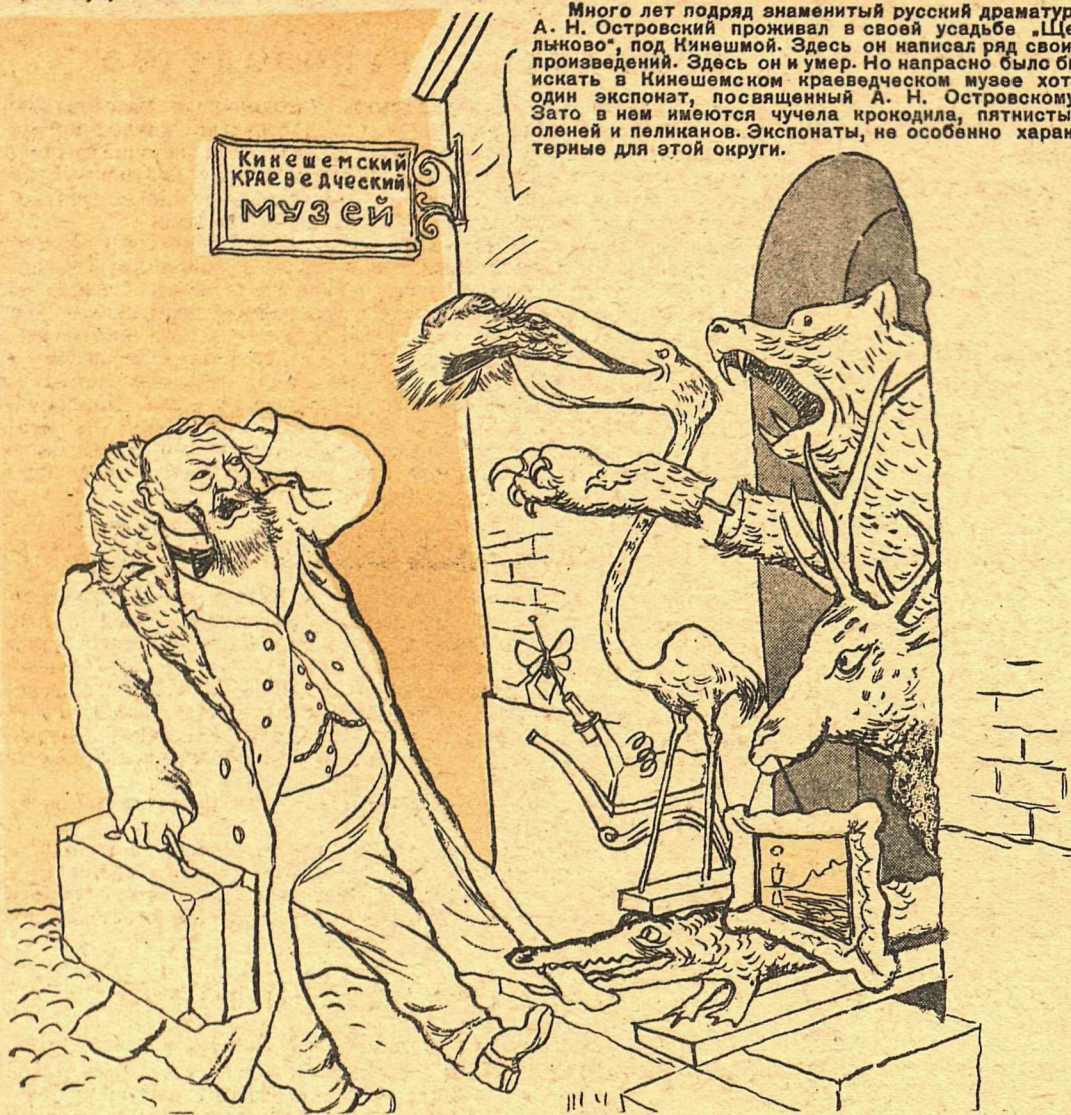
Он говорит:

— Нет, агитирую я чистосердечно, поскольку я и сам этому, откровенно скажу, обрадовался. А то сейчас приеду, как начнут смолить цифры, суммы, расходы, — душа вянет. А тут такая божественная красота, такая южная симфония.

В этот момент шофер закончил свой ремонт и дал гудок. Пассажиры бросились к машине, и вскоре мы поехали в Ялту, в эту жемчужину Крыма.

МИХ. ЗОЦЕНКО

Много лет подряд знаменитый русский драматург А. Н. Островский проживал в своей усадьбе „Щельково“, под Кинешмой. Здесь он написал ряд своих произведений. Здесь он и умер. Но напрасно было бы искать в Кинешемском краеведческом музее хоть один экспонат, посвященный А. Н. Островскому. Зато в нем имеются чучела крокодила, пятнистых оленей и пеликанов. Экспонаты, не особенно характерные для этой округи.

Чучело медведя (Островскому): — Проходи, проходи!.. Тут и без тебя тесно!..

РЕДКИЙ ЗАЛОГ

Помощник директора Краснолиманского дворца культуры Сашко собирался в баню. Он аккуратно уложил все, что полагается укладывать в таких чрезвычайных случаях, придавил коленом вспученный бок портфеля и, щелкнув замком, глубоко задумался: не забыл ли чего-нибудь? Нет, как будто ничего не забыл. Белье, пышная волосяная мочалка, мыло «Букет моей бабушки» — все было на месте. Нет, безусловно, ничего не забыл!

Сашко надел шапку, пальто и уведомил своих домочадцев, что вернется не раньше чем через три часа.

В предбаннике было тепло и уютно. Сашко расположился на свободной скамье и стал неторопливо расшнуровывать штиблеты.

— Извиняюсь, гражданин, — прозвучал рядом тихий вежливый голос. — Надо заплатить за вход в баню.

Сашко поднял голову. Перед ним стоял банщик с березовым веником и квитанционной книжкой в руках.

— Ах, в самом деле! — сказал Сашко с беззаботной улыбкой.

Он запустил руку в карман пиджака,

в другой, в третий. Обшарил брюки. Улыбка медленно сползла с его лица, и оно приняло скорбное выражение. Случилась ужасная вещь: он забыл дома деньги!

— Ну, подумаешь, — сказал он с напускной бодростью. — Какая-то мало-важная, копеечная сумма. Я тебе завтра занесу, любезный, в чем дело?

Банщик сделал отрицательный жест, вложив в него сожаление и официальную твердость.

Сквозь неплотно прикрытую дверь доносились манищие банные звуки: гремели шайки, раздавались звонкие шлепки по голому телу, кто-то оглушительно гоготал от избытка удовольствия.

Сашко прислушался, вздохнул и широко, величественным жестом подал банщику свой партийный билет.

— Держи, мелочная твоя душа, — процедил он с великодушным презрением. — Вручаю и доверяю. В залог, до завтра, понятно?

Банщик прижал к груди свой березовый веник и попятился. Борода у него встала дыбом.

— Я извиняюсь, дорогой товарищ, — сказал он почти шопотом. — Я, конеч-

но, человек маленький! Но я так понимаю, что партийный билет — самое дорогое, что может быть. Да ежели бы у меня был партийный билет! Да я бы его не только что в залог отдать, я бы его в баню захватить с собой побоялся!

— Но-но! — крикнул Сашко, строго погрозив пальцем. — Тоже! Туда же! Каждый беспартийный банщик будет меня учить сознанию моего партийного долга! Бери, когда дают!

Банщик покрутил головой и, взяв партийный билет, запер его в свой столик. Сашко с победоносным видом проследовал в баню и приступил к торжественному обряду омовения.

— Тоже, туда же! — ворчал он, хлопывая себя по плечам душистым горячим веником. — Каждый беспартийный банщик будет мне нотации читать...

На другой день Сашко в бане не появлялся. Не было его и на третий день. Банщик стал волноваться. Он несколько раз за дежурство заглядывал в ящик стола, где лежал драгоценный залог (не украл ли кто-нибудь?!), и негодуя кивал головой:

— Тоже называется — член партии, да еще с девятнадцатого года! Придется, однако, сообщить в партийную организацию, — добавил он со вздохом. — Пущай ему пропишут по десятое число за такое преступное отношение к партийному документу...

И переслал партийный билет в политотдел.

Прошло три недели, и симпатичный товарищ Сашко снова появился в бане. Нет, на этот раз он не забыл деньги. Доставая мелочь, он вынул содержимое бокового кармана, и среди этого содержимого банщик увидел хорошо знакомый ему партийный билет. Квитанционная книжка выпала из рук банщика.

— Я извиняюсь, — сказал он робко и неуверенно. — Это что же такое? Партибилет?.. Вам, значит, отдали его обратно?

— Отдали, дружище, отдали, — веселым тоном отвечивал неунывающий Сашко. — Так вот прямо взяли и отдали. Заместитель начальника Краснолиманского политотдела товарищ Бондарев лично вручил!

— И ничего вам за это самое не было?

— Абсолютно ничего. Да что ты, право, пристал ко мне? — внезапно рассердился Сашко. — Какое твое банное дело: отдали, не отдали, было чего или не было ничего? Ты что, партийный следователь, что ли?

— Да нет, я ничего, — грустно сказал банщик. — Мы, конечно, люди маленькие, мы в политотделе не работаем. Но я так понимал, что ежели член партии бросает свой партийный билет где попало и потом даже забывает о нем, то такого члена партии всенепременно исключают из рядов.

— Но-но! — крикнул Сашко и последовал церемониальным шагом в баню.

— Тоже! Туда же! — бормотал он, копошась на верхней полке... — Всякий беспартийный банщик будет критиковать заместителя начальника политотдела!

МИХ. ЛЬВОВ

КОМНАТА

Анна Васильевна лежала на подоконнике у раскрытого окна.

— Птички... — прошептала она с безысходной грустью, и слезинка торопливо поползла по блеклой щеке.

Как раз под окном торчала верхушка худосочного клена. На ветке сидела пожилая галка, а глубоко внизу, во дворе, ходили соседские куры.

— Это галка и куры, а вовсе не птички, — сказала я. Анна Васильевна вздохнула.

— Сейчас ими полон лес... Поют, кричат... Ляжешь на травку и заслушаешься. А травка нежная, молоденькая, и земля теплая, много-много ее кругом, и пахнет она так чудесно. На травку я хочу, в деревню!

— Ну и поезжайте. Вот выходной придет.

— Не на выходной, а на всю жизнь! У сестры домик на Волге, огородик, огурцы с грядок шершавенькие, колючие, редисочка! Корова своя, молочко.

— Молоко и здесь есть, — необдуманно сказала я, — молочная под боком.

Анна Васильевна рассердилась:

— Молочная. А кто мне в вашей молочной это жалобное протяжное му-у скажет? А теплая, мягкая мордочка, а запах?

Приходилось согласиться, что в молочной «му-у» действительно говорить некому и теплую, ласковую мордочку тоже навряд ли увидишь.

— То-то, — покачала головой Анна Васильевна. — О, только бы уехать!

Она обвела ненавидящим взглядом свою чистенькую светлую комнату.

Я знала: из этой комнаты ушел от нее муж, толстый джазовый барабанщик. В этой же комнате покинула ее молодость.

— Анна Васильевна, чего же прощете? Уезжайте.

Анна Васильевна посмотрела на меня с изумлением:

— А комната?

— Что ж комната? На что она вам?

Она усмехнулась:

— Люди годами такой комнаты добиваются. Спят и видят.

А я все брошу и уйду. Курам на смех!

— Да ведь вы город не любите?

— Ненавижу!

— А деревню...

— Обожаю!

— Ну и поезжайте.

— А комната?! Комната — это нынче целый капитал.

— Что ж, она вам дорого обошлась, что ли?

— Мне? Бесплатно!

— А вы говорите — капитал. Значит, продать ее собираетесь?

Анна Васильевна покраснела:

— Благодарю вас, не ожидала! За спекулянтку меня принимаете!

— Ну, так отдайте ее в жакт, и дело с концом.

Анна Васильевна подняла брови и вздохнула как человек, у которого истощается терпение.

— А жакт в нее вселит Махоткиных или Соколовых. Соколовы у меня в прошлом году Пушкина зачитали, а Махоткины — вообще дрянь! А я им такой сюрприз подвалю. За здорово живешь! Дураков нету!

— Подождите, Анна Васильевна, вам что нужно-то?

— Уехать мне нужно, целый час твержу!

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

КОМПАКТНОЕ РУКОВОДСТВО

Предположим, что врид директора Пограничного мясосовхоза Восточносибирской области, вызвал недовольство какого-нибудь своего рабочего. Что в таком случае делает этот рабочий? Предположим, что он обращается с жалобой к своему парторгу. Если парторг не удовлетворил претензий жалобщика, можно обратиться в политотдел или в редакцию политотдельской газеты.

Можете себе представить, как много хлопот принес бы жалобщик сразу четырем ответственным работникам в любом другом совхозе. Совсем не то получилось бы в Пограничном мясосовхозе по той простой причине, что заместитель начальника политотдела Прянишников на время шестимесячной отлучки начальника политотдела был назначен врид начальника политотдела. Одновременно тов. Прянишников работает в качестве врид редактора политотдельской газеты, парторга и врид директора совхоза. Попробуй, разверни самокритику в совхозе при таком положении! Не хватает только, чтобы Прянишникова назначили еще врид главного бухгалтера этого совхоза, тогда круг хозяйственной и политической безответственности замкнулся бы.

КОНТРЕВОЛЮЦИЯ С КОЛОКОЛЬЧИКОМ

Каждый враг гадит по-своему. Некто Метла, учитель Дмитриевской школы, Солонешенского района, Западносибирского края, добился немалых результатов при помощи обыкновенного колокольчика. 14 мая Метла в наказание за то, что не подготовил урока, повесил на шею десятилетнего мальчика Голосовского и девятилетней девочки Труфановой колокольчик и под гиканье, свист и улюлюканье водил их по улице. После перенесенных издевательств Голосовский бредил всю ночь, и оба опозоренных ребенка перестали посещать школу.

Было бы очень неплохо, если бы вместо них перестал посещать эту школу учитель Метла.

Мы не предлагаем водить его по улице деревни с колокольчиком на шее, не предлагаем его предавать никаким видам публичной казни. Ни к чему это! Просто надо взять этого самого Метлу и чинно, благородно привлечь его к судебной ответственности. И все!

ТРИ СПРАВКИ И ОДИН ВОПРОС

СПРАВКА ПЕРВАЯ

Бывший председатель Можгинского горсовета (Удмуртская АССР) Е. Н. Шибанова 7 января 1937 года снята с работы и отдана под суд как перерожденец и как непосредственная виновница гибели на пожаре восемнадцати человек.

Въездной сессией Главсуда присуждена к двум годам тюремного заключения. Дочь жандарма-торговца.

СПРАВКА ВТОРАЯ

Три месяца после исключения из партии, снятия с работы и осуждения Е. Н. Шибанова получала пособие по временной нетрудоспособности в размере 100% ее бывшего заработка, то есть всего за три месяца — 1800 рублей.

СПРАВКА ТРЕТЬЯ

2 апреля на пленуме горсовета уполномоченная Удмуртского совпрофа, она же одновременно член президиума горсовета Каменская, выплатившая 1800 рублей осужденному перерожденцу Шибановой, в ответ на требование членов горсовета дать объяснения по поводу своего поступка, ответила: «Я перед советом не отчитываюсь!»

ВОПРОС

Неужели об этом безобразии ничего не знали председатель райисполкома и секретарь горкома партии? Не верится.

— Ну и уезжайте на здоровье.

— А комната?

Она подозрительно посмотрела мне в глаза.

— Послушайте, может быть, вы сами под мою комнату подбираетесь?

— И в мыслях нет!

Анна Васильевна перевела разговор на другую тему. Больше мы не встречаемся. Изредка я вижу, как она перебегает улицу, с лицом мученицы шарахаясь от автобусов, затыкая уши от гудков и звонков. Она худеет и бледнеет заметно. Но уехать ей невозможно.

Сами понимаете — комната!

В. КАРБОВСКАЯ

Чуткий наш художник К. П. Ротов, находясь под свежим впечатлением самокритических выступлений на первом Всесоюзном съезде архитекторов, задумал некое полуразвернутое полотно с дружескими шаржами на отдельных ведущих и неведущих мастеров нашей архитектуры. Каковое полотно и выполнено. Вот оно перед читателем — это полотно. Невооруженному глазу видно, что художник К. П. Ротов шаржи выполнил не без намеков на вкусы, слабости, уклоны и симпатии нижеперечисленных мастеров.

В левом верхнем углу мы наблюдали творческое содружество академика архитектуры Шуко и профессора Гельфрейха. Эти два зодчих,

в совместной деятельности опираясь на классику (стиль ренессанс), пытаются оную классику сочетать с американскими небоскребами.

Направо от Шуко и Гельфрейха стоит их сотоварищ по проекту Дворца советов — архитектор Иофан. Стоит он в позе, которую сам же он (совместно со скульптором Мухиной) присвоил статуе, завершающей советский павильон на Парижской выставке. А под левым небоскребом, чуть пониже левого угла, расположился профессор Колли. Он страсть как любит круглые окна а ля иллюминатор или а ля пуговица. Ну, таким его здесь и изобразили. Еще ниже — братья Веснины. Архитекторы-стеклодувы, поскольку в домах, по проектам Весниных, стекла идет больше

ем кирпича. Рядом профессор Голосов. Тоже стекольщик. Т. е. любитель стекла. Т. е. любитель окна, как стены, и стены, как окна. А наверу, слева, — академик архитектуры Шусев, первый среди наших архитекторов печальник о строительных деталях: о ручках, дверях, спиналетах, кранах, обоях. Академик Шусев понимает, что не единими стенками жив человек. И правильно понимает! Справа от Шусева весь нуно: прорезал маститый ревнитель архитектурной классики — академик архитектуры Жолтовский. Действительно, если уж заниматься колоннами, так давайте заниматься ими по Жолтовскому. У Жолтовского олонна идет исправная, стиля чистого, пропорций правильных...

В правом верхнем углу архитектор Буров держит в руках дом, воздвигнутый по его проекту на улице Горького (угол Благовещенского переулка). Как видите, дом этот в стиле «коммод-ренессанс». И его вышивает гладью художник Фаворский со своими учениками. А как раз под ними изображен профессор Гинзбург, автор проекта дома «Известий ЦИК». Этот проект уже в стиле ТЭЖЭ: пудреница — слева, флакон — справа, гребешок — по середине. И, наконец, архитектор Мельников на себе лично пробует те методы, какими он пользовался в своих проектах (клуб имени Русакова, клуб завода «Каучук» и др.), т. е. стоит вверх ногами.

ПРОБЛЕМА ОТПУСКА

Лето вступало в свои права. Ежедневно кто-нибудь из сослуживцев Шуры Букасова обходил отделы и сектора, пожимал руки товарищам, приговаривал:

— Счастливо оставаться! До свиданья! Что привезти с юга? Сослуживцы острили хором:

— Привезите кусочек солнца. И немножко моря. Только обязательно черненького.

Шура Букасов тоже жал руки отпускникам и просил их доставить в Москву «немножко черненького моря», но при этом он незаметно для других вздыхал. Он завидовал этим веселым молодым людям в новеньких бухарских тюбетейках производства московской промысловой кооперации. Они уходили в отпуск, не испытывая сложных переживаний, свойственных глубоким натурам вроде Шуры Букасова.

Шуру не устраивали ни дом отдыха санаторного типа, ни санаторий пансионатного вида. Даже роскошное путешествие по горам Алтая на автомобиле, коне, байдарке и горном быке-яке, организуемое бюро туризма, не привлекало Шуру Букасова. Он мог примкнуть к любительской экскурсии и пойти, палимый солнцем, по Военно-Сухумской дороге пешечком до Тиберды в Сухум, распевая «Широка страна моя родная» и стирая на привалах трусики в ледяных струях горных речек. Мог, но не хотел, ибо мечтал провести отпуск так, чтобы все знакомые ахнули от зависти. Вечерами, положив ноги на спинку кровати, Шура решал проблему отпуска, как трудную китайскую головоломку. Решение было, в конце концов, найдено.

Шура решил ехать отдыхать на кавказское побережье, но не в санаторий или дом отдыха. Он задумал просто снять в частном порядке комнату и «зажить вольной жизнью плантатора».

Как только Шура Букасов вылез из вагона на веселый, весь в парусине и цветах, похожий на дачную веранду перрон и стал неуверенно озираться по сторонам, к нему подошел черноусый мужчина в кепке из банной мочалки и тихо сказал, щуря сладкие лукавые глаза:

— Имеется комната для одинокого. С пансионом.

— И еда хорошая будет? — строго спросил Шура.

— Еда будет лучше Ривьеры. Бульон будет, курочка будет, блинчики с вареньем. Десять кило прибавки в Москву увезешь!

— Десять мне много, — сказал Шура Букасов. — Кило бы три отхватить — за глаза довольно!

— Сколько хочешь, столько и прибавишь.

Черноусый схватил фанерный шурин чемоданчик и быстро зашагал к выходу. Шура последовал за ним.

По дороге выяснилось, что хозяйку комнаты зовут Зоя Васильевна, а черноусый — лишь комиссионер, которому нужно заплатить отдельно. Когда он назвал Шуру Букасову месячную стоимость комнаты с блинчиками, у Шуры томно закружилась голова. Но он подумал: «В конце концов, я могу прожить у этой Зои не месяц, а три недели» — и успокоился.

Зоя Васильевна оказалась громоздкой дамой с усиками на верхней губе, в красном капоте и шлепанцах на босу ногу. Комната была темная, маленькая, с кустарными дорожками и занавесками, развешанными по стенам в самых неподходящих местах. Шуре она очень понравилась.

— Вы, наверное, родились в сорочке, месье Букасов, — сказала Зоя Васильевна, пряча задаток в кожаную фельд'егерскую сумку. — Ведь вы попали в дом отдыха Зои Васильевны. О моих блинчиках мечтает весь город!..

В общем все сулило Шуру Букасову удачу. Но уже на следующий день вдруг выяснилось, что у Зои Васильевны пять человек детей и два мужа, бывший и настоящий, а дверей в шуриной комнате нет. За одной из кустарных занавесок оказался пролом, ведущий в апартаменты бывшего мужа. В самые неподходящие минуты занавеска взлетала вверх и в комнату к Шуру Букасову с криком: «Дядя, смотри, какая у меня киска!» — врвалась младшая дочь Зои Васильевны Агнесса. Приходилось, скрывая злость, восхищаться мордастой фарфоровой кошкой с отбитым ухом и глупой щелкой на голове.

Бывший муж Зои Васильевны полдня играл на скрипке, а настоящий так храпел, что Шура Букасов после мертвого

часа выходил из своей комнаты полуживым, с тяжелой головой и блуждающим взглядом. Знаменитые блинчики Зои Васильевны оказались довольно вкусными, но она готовила их каждый день с железной настойчивостью, и вскоре Шура не мог даже смотреть на них.

Кроме того Шура Букасов отчаянно скучал в доме отдыха Зои Васильевны. Он не обладал способностью легко знакомиться с людьми и ходил купаться один, гордый и одинокий, в сатиновой пижаме с вызывающими оранжевыми обшлагами. Проходя мимо домов отдыха и санаториев, он слышал веселые крики волейболистов, звуки рояля, смех и песни и бледнел от зависти.

— Ничего! — утешал себя Шура Букасов. — Зато у Зои я сам себе хозяин! Что хочу, то и делаю!..

Однажды Зоя Васильевна, заметившая, что ее квартирант заскучал, предложила ему сыграть партию в преферанс. Оди-чавший от скуки Шура Букасов согласился, хотя в карты играть не любил и играл плохо.

На веранду вынесли ломберный столик, поставили лампу, мужа Зои Васильевны засучили рукава сорочек, и игра началась.

Через полтора часа Шура Букасов понял, что он погиб и спасти его может только чудо. Мужья играли, как боги, а Зоя Васильевна, как сам дьявол. К тому же ей отчаянно везло, а Шура Букасов ремизился даже тогда, когда имел на руках четырех тузов. Ему мешало то, что он во время игры вел в уме подсчет своего проигрыша.

«Готово! — лихорадочно соображал Шура Букасов, глядя, как Зоя Васильевна хищно бьет его туза козырной девяткой. — В мягком уже не еду!.. Господи, хотя бы на скорый хватило! Ай! Готово! Уже еду в почтовом!..»

Перед рассветом все было кончено: Шура проиграл 200 рублей. В Москву предстояло возвращаться пешком по шпалам, добывая хлеб подаванием и случайным трудом на крупных станциях.

Мужья и Зоя Васильевна, мерзко улыбаясь, ожидали расплаты.

— Я не буду платить, — с трудом сказал Шура Букасов.

Зоя Васильевна грозно подбоченилась:

— А кто же за вас заплатит проигрыш, — месье Букасов: уж не мой ли козел?

— Надо платить, молодой человек, — нравоучительно сказал бывший муж. — Карточный долг — это долг чести.

— Хороша честь, когда нечего есть, — бледно улыбаясь пролепетал Шура Букасов.

— Что за безобразие! — вмешался настоящий муж. — Игра была честная, вы проиграли. Извольте платить, молодой человек!

Шура Букасов беспомощно оглянулся по сторонам, ища поддержки, но ее не было. Тогда Шура собрался с духом и сказал, обращаясь к Зое Васильевне:

— Скажите: вы называли свою частную лавочку домом отдыха?

— Называла. И, видит бог, что я кормила вас такими блинчиками, каких ни в одном доме отдыха...

— Позвольте, позвольте! Раз у вас дом отдыха, значит вы должны обеспечить меня бесплатным культобслуживанием. Пулька это как раз и есть ваше культобслуживание меня.

С минуту на веранде молчали. Потом Зоя Васильевна шумно вздохнула и, страшно покраснев, сказала рокошущим басом:

— Франц! Собери вещи этого молодого человека и вынеси ихний чемоданчик в садик. Прощайте, месье Букасов. Извините, что я не называю вас нахалом. Благодарите мое большое сердце.

Остаток ночи Шура Букасов провел наедине со своим чемоданчиком на скамейке в ботаническом саду. На утро он решил было пойти к Зое Васильевне требовать с нее деньги за два недожитых до срока дня, но потом раздумал и пешком поплелся на вокзал.

Недавно я встретил Шуру Букасова на улице. Несмотря на пережитую неудачу он не падает духом и уже обдумывает новый вариант отпускной программы к будущему году.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ЧУДО НЕ СОСТОЯЛОСЬ

Рис. Ю. Ганфа

ПРОРОК МОИСЕЙ:— Ну ладно, я уж не настаиваю на воде—пусть появится хоть жалобная книга.

ЧТО С ЧЕМ ГРАНИЧИТ?

Одно дело — воровство, другое дело, оказывается, — преступление. Если судить по приказу № 74 по строительству электросетей и подстанций Донбасса, воровство находится как раз на границе преступления.

Эта редкая игра юридического ума сформулирована в этом приказе следующим образом:

«При проверке состояния и порядка отпуска горючего и смазочных материалов у заправщиков транспортного цеха тт. Жердия и Рябенского обнаружено:

1. Что тт. Жердий и Рябенский отпускали горючее ведром емкостью в 8 кг., а записывали в путевые листы и учетные ведомости — 9 кг.

2. Тов. Жердий шоферу т. Колесникову 30 апреля с. г. отпустил бензину 27 кг., а в ведомости записал 271 кг.

3. Заправщик т. Рябенский тоже исправлял записи ведомости отпуска горючего. В результате оказалось, что т. Рябенским по путевым листам отпущено бензину 42 кг., а в ведомости записано 134 кг., керосину отпущено и отмечено в путевых листах 747 кг., а в ведомости отмечено 1672 кг. Такие же разрывы имеются и по другим видам смазочного и горючего материалов.

У т. Жердия разрыв между записями в путевых листах и отчетными ведомостями выразился в количестве 2970 кг. бензину, 442 автола, 162 кг керосину и 100 кг вискозина».

Тут автор приказа — начальник и главный инженер строительства Богуславский — подводит некую черту и грустно констатирует:

«Такое ведение отчетности по такому остродефицитному материалу, как горючее, граничит с преступлением» —

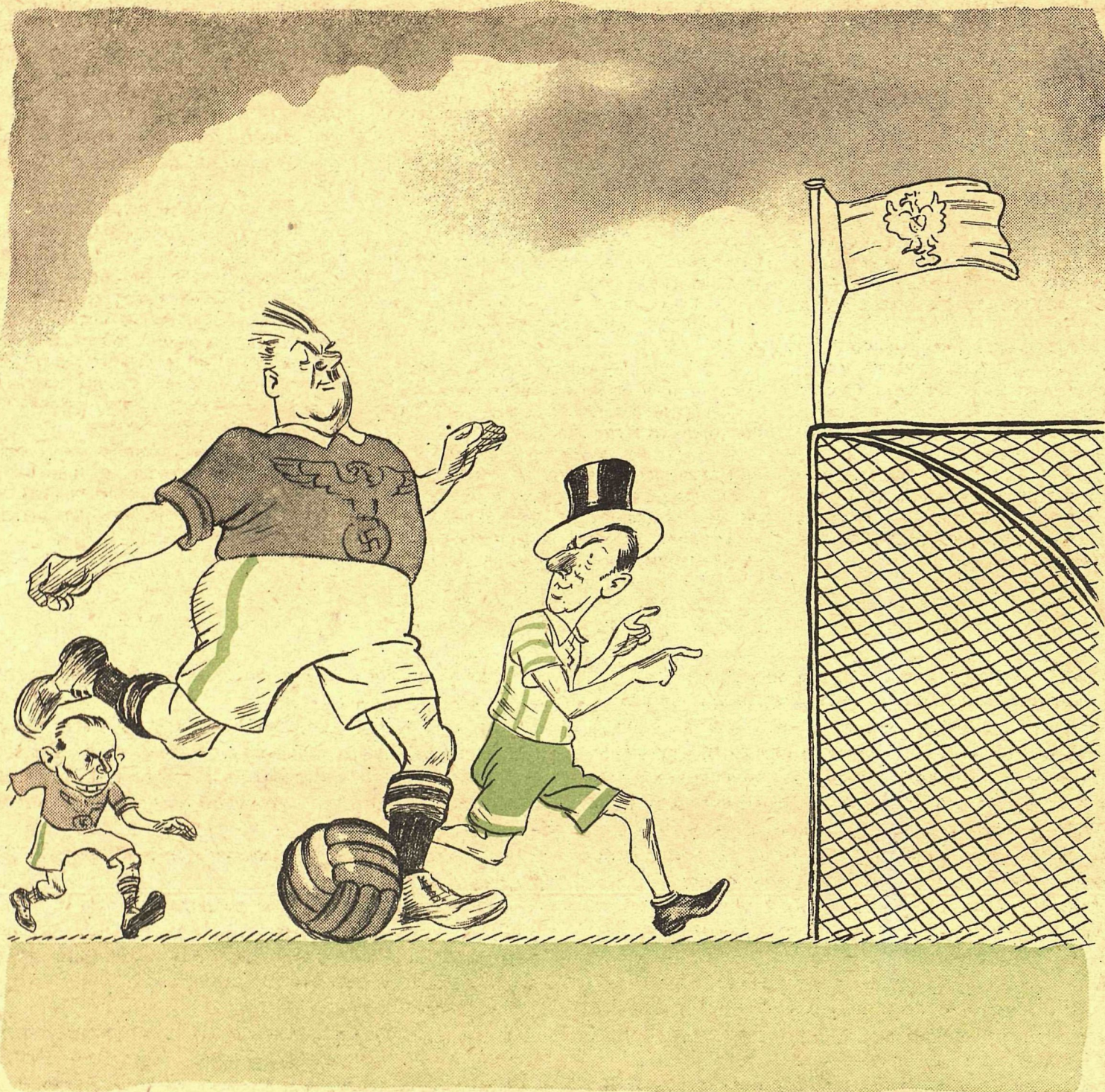
и объявляет обоим заправщикам строгий выговор с предупреждением.

Из приказа не ясно, сколько нужно украсть горючего, для того чтобы это уже не граничило с преступлением, а было таковым.

Точно так же непонятно, будет ли граничить с преступлением воровство не столь дефицитных материалов.

Ясно одно, что и такого рода приказы тоже в немалой степени граничат с преступлением.

И. БУШУЕВ

- Почему так странно ведет себя польский бек?
- А он ведь по совместительству и германский форвард.

СКОРОПОРТЯЩИЙСЯ ПРОДУКТ

Московский поезд из последних сил дотащился до Сочи и, радостно лязгнув буферами, стал вдоль чисто подметенного перрона. Из мягкого вагона вышел солидный гражданин в серой тройке. Видно было, что как сел солидный гражданин прохладным московским вечером в жилете и пиджаке в мягкий вагон, так и вышел, надев на себя эти жилет и пиджак. Да еще через руку перекинул жеваное пальто из полуковеркота.

А жара стояла такая, что выйти из тени вокзала можно было, только твердо на то решившись: будто в дождь выходишь из-под навеса.

Солидный гражданин потоптался в тени, оглядел окрестные горы, — собственно, не горы — холмики, разбросанные в качестве образцов предстоящего приезжающим гражданам горного пейзажа, — и быстрой перебежкой занял место в очереди на такси.

Взгляд солидного гражданина был очень настороженный, мы бы сказали, даже угрюмый. Он с некоторым предубеждением оглядывал проходивших мимо кратковременных сочинских жителей в белых штанах, сетках, майках или, в крайнем случае, в белых рубашках без рукавов. Когда к гражданину обратилась

еще одна из пассажирок поезда с невинными словами: «Вы на такси?», — то гражданин настороженно пожевал губами и выдал из себя:

— А вам, собственно, зачем?

— То есть, как зачем?.. — растерялась гражданка. — Если вы на такси, то я буду за вами.

— Ну, тогда, собственно, я, пожалуй... да... на такси.

На такси гражданин сидел все с тем же замкнутым выражением лица, и не могли его порадовать ни пальмы и эвкалипты, растущие на правах наших берез и осин, ни многочисленные группы

отдыхающих, из которых каждая могла бы послужить бойкому скульптору темой для трех — четырех барельефов под крышей любого здания общественного и общественного характера.

Справедливость требует отметить, что в гостинице солидный гражданин оказался уже в расстегнутом жилете, однако, предъявляя свою путевку, держался все еще холодно.

— Вы где работаете? — спросил у гражданина портье.

— А вам, собственно, зачем? — подозрительно осведомился гражданин.

— Видите ли, поскольку путевка учрежденная, то я должен...

— Это, собственно, не имеет значения...

Пока совершались необходимые для вселения в номер формальности, солидный гражданин поместился на ступеньках при входе в гостиницу, снял пиджак и настороженное словечко «собственно» все реже и реже слетало со строго поджатых его губ. Да и сами губы неприметным образом распухли так, что когда был вручен солидному гражданину ключ от номера, неяркая улыбка заиграла на этих губах.

Гражданин вышел из номера через полчаса в непрменных белых брюках и в сетке, которая только формально прикрывала солидный его торс. Глаза у гражданина были уже наивные и ласковые, улыбка ни на секунду не сползала с лица, и весь облик стал таким беззаботно-курортным, что пассажиры следующего поезда, сидевшие с полухмурыми лицами на ступеньках у входа в гостиницу, сразу решили, что этот товарищ, по крайней мере, два месяца на курорте и главный заводиловка во всех курортных делах. А гражданин наш в ответ на завистливые взгляды новоприезжих бросил заливчатое:

— Нечего киснуть, братва! Хвост трубой и айда в море, городскую пыль смывать!

— Не знаете, какая сегодня вода? — спросил один из приехавших.

Солидный гражданин слегка запнулся, но потом ответил находчиво:

— Вода не хуже вчерашней. Идем окунемся, покуда тебе ключ дадут...

На пляже, снявши сетку и белые штаны и оставшись в трусиках-плавках, гражданин размяк окончательно. Со сверхъестественным визгом (трудно даже

предположить, что из такого солидного горла может исходить такой визг) кинулся он в воду. Затем гражданин обратился к пожилому человеку, который неподалеку исправно бил обеими ногами по воде в целях обучения плаванию:

— Вот я тебе, шельма, покажу, как воду мутить!

— Это вы мне? — переспросил тот.

— А то кому же, дурашка? Конечно, тебе.

— Да мы с вами незнакомы...

— Эк, удивил... Вот сейчас и познакомимся. Я Пафнютьев. Ты где работаешь? Да ну? А я, знаешь, на оборонном заводе. Хочешь, скажу номер завода. Мы там теперь такой моторчик один готовим, что просто пальчики облизать! Жаль, тут, на воде, негде чертить, а то бы я тебе показал схему. Ты бы ахнул... Да не сучи ты ногами, чорт паршивый, у меня в ноздрю пена забегает...

Как видно, «внутреннее я» солидного гражданина раскрылось до крайних пределов и из этого «я» под влиянием моря и солнца все вываливалось, как из перевернутого чемодана.

В. АРДОВ

ПРОЕКТ

Приезжий казался несколько растерянным.

— Скажите, пожалуйста, — осторожно спросил он у местных товарищей, — это так полагается, чтобы главная площадь в новом городе занимала половину всей городской территории, а улицы, наоборот, были узки и тесны, как тропинки в горном ауле? И, к слову сказать, почему у вас баня построена рядом с рестораном и горсоветом, а клуб и кинотеатр очутились за городом? Хотел бы я посмотреть на того, кто планировал и проектировал ваш город, на его планы и проекты...

Местные товарищи многозначительно переглянулись:

— Мы и сами ни его, ни проекта в глаза не видели!

— То есть, как это?

— А так... Когда было решено и утверждено, что на месте нашего обветшавшего поселка надо строить новый районный центр, горсовет, как полагается, обратился в центр к планирующей и проектирующей организации.

Планирующая и проектирующая организация любезно ответила:

«Вашим проектом непосредственно займется архитектор-проектировщик Н. Г. Щелчков. Расценки проектов при сем прилагаются. Переведите телеграфно 25% стоимости».

Перевели 25%, и вскоре установилась живая почтово-телеграфная связь непосредственно с Н. Г. Щелчковым.

Он сразу запросил:

«Сообщите, каковы у вас флора и фауна? Чернолесье, лесостепь или глинозем? Каков рельеф местности в районе, а также водятся ли волки и другие грызуны?»

Проектировщику немедленно сообщили о волках и рельефе.

Через три месяца он осведомился:

«Сообщите срочно, не изменился ли климат?»

Сообщили, что не изменился.

Через пять месяцев архитектор напомнил о своем существовании:

«Для проектировки яслей, родильных и детских домов нужен коэффициент деторождаемости».

А еще через три месяца телеграф принес горсовету радостную весть:

«Проект закончен тчк поздравляю счастливым завершением тчк автор Щелчков».

Как выяснилось в дальнейшем, мы обрадовались слишком рано. После небольшой передышки телеграф снова заработал:

«Проект отдан на предварительное согласование. Надеемся на успех. Озаботьтесь приобретением стройматериалов. Щелчков».

На предварительном согласовании в семи инстанциях проект продержали еще месяцев пять.

Потом архитектор Щелчков молнировал:

«Проект находится на рассмотрении восьмой инстанции. Телеграфьте дополнительно соображения необходимости возведения плотин зпт шлюзов зпт дамб тчк».

И еще через полгода:

«В двенадцатой инстанции проект задерживают. Настаивают на включении водных станций. Немедленно сообщите о реках, озерах, морях, буде таковые имеются в районе либо в черте будущего города».

Сообщили, что имеется одна река Сестрица, мелкая, несудоходная, и что водных станций не требуется.

Наконец, весной этого года горсовет получил сообщение от автора-архитектора Н. Г. Щелčkова:

«Проект вашего города на 50% уже согласовали. На 75% урегулировали и утрясли. Увязываем вопрос об окончательном утверждении. Глубоко убеждены, что в самом недалеком будущем определено намечается реальная возможность начала строительства вашего города».

«Отвяжитесь вы с вашими увязками, — деликатно ответил ему председатель горсовета, — город, между прочим, мы уже построили!..»

Строил город на свой риск и страх, пока проекты увязывались, наш прораб Иван Демьянович Самонадеенко.

— Шут с ним, — говорил он, карабкаясь по лесам, — раньше и вовсе без планов обходились. Это только теперь такая мода, чтобы по планам строить. Ничего, построим городок, шут с ним!

Л. МИТНИЦКИЙ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Вот поучительная сказочка для взрослых. Очень короткая, интересная, а главное — без малейшего вымысла. В Асечеевском районе, в Оренбургской области, в совхозе № 2, шли перевыборы парткома. Подоспело время выбирать кандидатов тайным голосованием, хватать-похватать, а ящика-то для бюллетеней нету. Что ты тут будешь делать? Глядь, кто-то и надоумил: да ведь на доме-то, на фасаде-то распрекрасный почтовый ящик висит! И заперт, и цел, и опечатывать не надо!

Стали в ящик бюллетени опускать. Опустили — глядь, кто-то опять спохватился: батюшки-голубчики, да как же мы теперь результат голосования узнаем? Ключа-то ведь от ящика нет!

Думали-гадали, слушали — постановили: а пошлем-ка мы, братцы, человека за тридевять земель в Филипповское почтовое отделение. Пускай едет на машине и хоть из-под земли достает ключ. И сел человек на машину и поехал за тридевять земель в почтовое отделение.

Тут нашей сказочке и конец. Не сидеть же нам, в самом деле, вместе с участниками собрания у запертого ящика, пока совхозный гонец путешествует туда и обратно да ищет почтовых работников в ихний выходной день!

Оренбург

И. БАКАЕВ

Дорогой Крокодил!

Зимой 1935 года увидел я плакат (колхозная многотиражка) Наркомзема. Плакат убеждал граждан заводить в домах плодоносящие комнатные лимонные растения... О, зачем рассеянный взор мой упал на этот плакат, зачем я прочел плакат, зачем задумал приобрести комнатные лимоны! Вот уже год тщетно добиваюсь я получить саженцы, за которые заплатил деньги еще 5 мая 1936 года. Напрасный труд! Лимона нет моей измученной душе.

Год, товарищи, год интенсивной переписки за то, чтобы получить оплаченные мною саженцы. За этот год мои лимонные растения могли бы принести пло-

ды. Впрочем, они и принесли их: увесистая папка переписки с Михневичем и питомником в Цихиз Дзири.

С. ГЛУШКО

Оратово,
Киевской области.

Дорогой Крокодил!

Есть такая молодежная киевская газета «Комсомолец Украины». И есть такой столичный писатель Иван Рахилло. И вот приехал Рахилло в Киев, и мы, сотрудники редакции «Комсомольца Украины», возмечтали: хорошо бы пригласить столичного писателя на два — три выступления в нашей скромной газете!

— Очень приятно, — снисходительно сказал столичный. — Могу.

И любезно вручил нам гранки рассказа «Чугунные часы», который был принят к печати в «Новом мире» и, как позже выяснилось, уже увидел свет в вечерней газете «Сталинский рабочий».

— Товарищ Рахилло, — попросили мы. — А не дадите ли вы еще очерк о Герое Советского союза Рычагове?

— Могу, — сказал Рахилло. — Чего-чего, а насчет Рычагова безусловно могу.

На другой день мы уплатили столичному писателю 150 рублей за «Чугунные часы» и

еще 100 рублей за организованную им пятнадцатистрочную заметку. Затем снова вспомнили насчет очерка.

— Не могу, — сказал Рахилло. — Я рассчитывал, что вы прилично платите гонорар. Я, может, из-за этого расчета в долги влез. А вы — вон что: 150 рублей за рассказ! Да мне газета «Більшовик» 400 дает за очерк.

Мы извинились. Газета наша скромная, небогатая. Но что же? Пожмемся как-нибудь, заплатим 350 рублей за вещь, написанную специально для нас.

— Могу! — бодро сказал Рахилло. — То есть нет, для вас все равно теперь не могу. Я этот очерк в газету «Вісті» присобачу. Они, правда, за самую вещь дают всего 300 монет, но оплачивают мне гостиницу и обратный проезд в Москву.

Очерк писателя Рахилло о Герое Советского союза Рычагове не появился в «Комсомольце Украины». Мы, правда, возместили эту потерю: замечательный подвал о летчиках-истребителях написал для нас сам Павел Рычагов.

А очерк Ивана Рахилло был напечатан в газете «Вісті». И тот же самый очерк мы с великим удивлением обнаружили... в «Красной звезде».

«С одного вола двух шкур не дерут», — гласит старая поговорка. Врет она, старая. И это лучше всех знают литературные рвачи типа Рахилло, которые дерут по десять гонораров с одного очерка и рассказа.

Сотрудники редакции «Комсомолец Украины»

С. ГРИНБЕРГ, А. РОЗЕН,
Ю. МАЛИШЕВСКИЙ, И. ЗАСЛАВСКИЙ,
Н. КОРОБКОВ, М. ДРАНОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы на всякий случай запросили редактора газеты «Вісті» тов. Тарана: предупредил ли его Иван Рахилло, что очерк о Герое Советского союза Рычагове был одновременно продан в «Красную звезду»? И ответил тов. Таран: «Безусловно не предупредил». Таким образом «столичный писатель» ухитрился обмануть и газету «Вісті».

Дорогой Крокодил!

В колхозе «Новый мир» трех жеребят поставили в стойло. Чистить это стойло как-то не хотелось, ну, и не чистили месяцев пять, в результате чего даже и дверь в стойло невозможно стало открывать: навоз не позволял. Кормили и поили жеребят через окно, и все были довольны. Но вот приехала комиссия. Надо было показать юных узников. И что же? Хитрое правление колхоза приказало выпилить стенку конюшни. Жеребят вывели сквозь этот пролом. О чем и имею удовольствие довести до всеобщего сведения.

В. БОБЫЛЕВ

Ст. Козулька,
Красноярского края.

Рис. Б. Малаховского

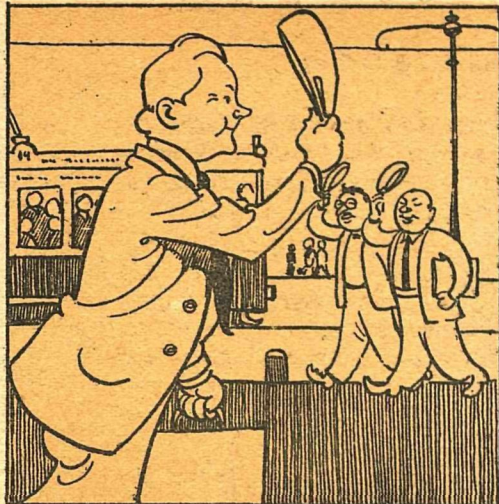

— Как публика интересуется Египтом! Каменные плиты до дыр зачитали!

По просьбе учителей зашейковской средней школы редакция Крокодила сообщает: факт грубого подхалимства, о котором писалось в фельетоне «Трасса на Олимп» в № 12 журнала, имел место в Епо-Бабинской школе, поселок Уполокша, станция Зашеек, Кировской железной дороги.

МИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рис. Ю. Гаффа

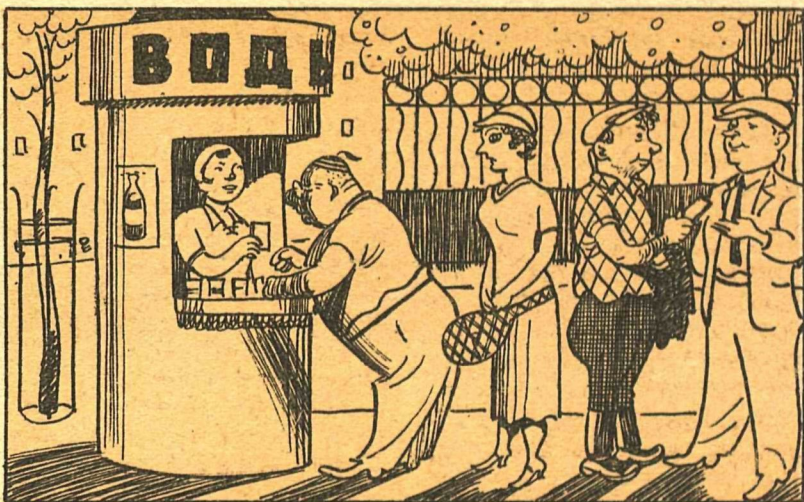
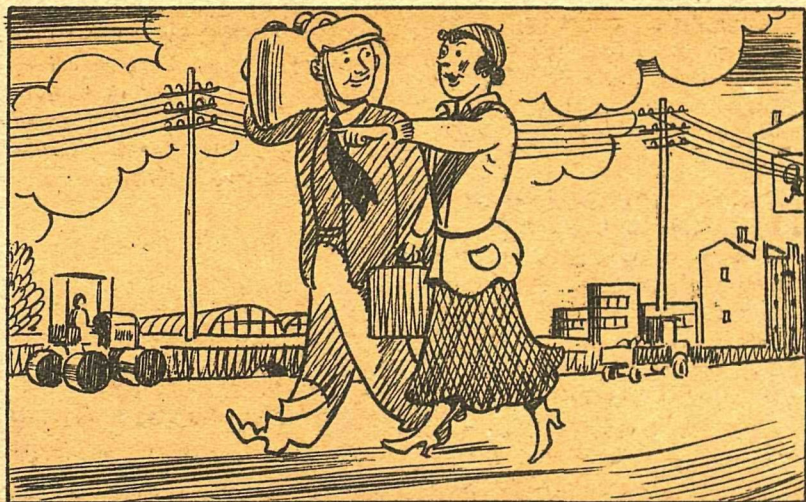

Напрасно иные граждане воображают, что шпионы выглядят так же страшно, как их дела. Шпионы, как правило, приобретают симпатичную внешность даже раньше чем липовые документы. Вот, например, нарисован здесь шпион. Приехав в крупный украинский город, он стал обзаводиться знакомствами, охотно угощал соседей в ресторанах и всем сообщал о своем желании повидать родного своего брата — военнослужащего.

«Добрые люди» охотно поведали нежному братцу, где и какие стоят воинские части.

— Да не служит ли ваш брат на аэродроме?! — воскликнул некий военный врач, который очень хотел услужить такому милому человеку.

Ну, а до аэродрома его проводила жена одного из работников аэродрома. Еще бы! Шпион был так любезен, что донес ей кошел-

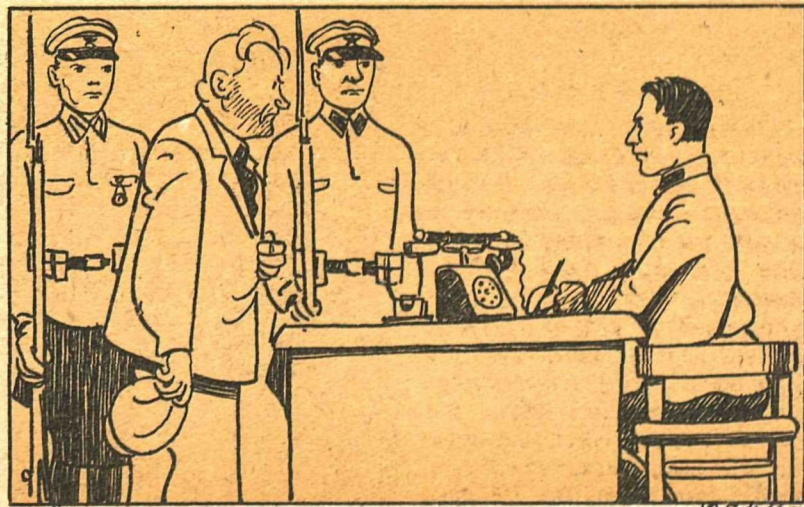

ку. Ну как же не поговорить с таким человеком о делах и людях аэродрома?..

Даже в очереди за газированной водой нашелся ротозей-тракторист. Раньше он был танкистом и с удовольствием побеседовал с соседом по очереди о танках, их системах, оснащении, скоростях и прочем... Он же охотно отдал свой воинский документ как

залог за полученные им в виде аванса деньги: шпион ведь нанял ротозея на ответственную и хорошо оплачиваемую работу. Правда, никакой такой работы в природе и не существовало, зато шпион получил в свое распоряжение настоящий воинский документ.

И в театре демобилизованный командир-артиллерист, ныне гражданский работник, азартно дискутирует со шпионом на темы о

преимущество артиллерии над пехотой, об орудиях, их системах, оснащении... И жена общительного артиллериста знает толк в пушках не хуже мужа. И даже время от времени поправляет его.

Словом, при помощи многочисленных дураков, болтунов, ротозеев этот шпион добыл тот материал, за которым его направили в СССР. И только при переходе границы пограничники задержали живой транспорт с данными о нашей обороне.

Р. С. Может быть, читатель подумает, что все изложенное — выдумка и выдумка-то нехитрая: очень уж легко окопачивает мерзавец советских граждан?.. Увы! К сожалению, все это было в действительности. Киевская газета «Коммунист» подробно рассказала об этом вполне конкретном случае. А мы только снабдили рассказ рисунками.

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн., с 1 до 7 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 604

Сдача текста и рисунков 29/VI-37 г.

Подп. к печати 8/VII-37 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. ан. в 1 печ. л. 7800

Уполномоченный Главлита № Б-23974 Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 996. Тираж 275 000 экз.

Рис. Л. Бродаты

50

Секрет. 3
7 5 ИЮЛ 1937
Всес. Нн. Палат. Подпис...

152

ДЖОН БУЛЬ (республиканской Испании): — Мне наплевать! Пусть мир идет ко всем чертям! Пусть возвращается каменный век! Пусть это будет, как вы говорите, закат цивилизации. Очень жаль, но сегодня утром я ничем не могу помочь. У меня есть обязательства. Что бы там ни было, но в половине первого я играю с тетушкой в крокет!